

М.В. Рубец

Влияние китайского языка на мышление и культуру его носителей*

О взаимосвязи языка с мышлением и культурой написано немало. Действительно, мышление народа, бытовые и географические особенности, культурные и исторические реалии, несомненно, отражаются в его менталитете и языке¹. Однако представляется не менее очевидным и то, что существует и обратное влияние языка на быт, мышление и культуру народа, на нем говорящего. Поэтому, на мой взгляд, весьма интересным является вопрос о влиянии языка как одного из факторов окружающего мира на формирование традиций и обычаев, культурных явлений и даже мышления народа. Кроме привычных для нас алфавитных языков существуют также естественные языки, опирающиеся на визуальное восприятие. Это, например, язык глухонемых. Сюда же можно отнести языки, использующие иероглифическую письменность (такие как древнеегипетский, китайский, японский и пр.). В чем особенность мышления носителей иероглифической культуры вообще и чем оно отличается от мышления людей, использующих алфавитную письменность? Рассматривая эти вопросы, я буду опираться на исследования мозга и способов обработки информации его правым и левым полушариями.

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект НШ-4128.2008.6.

Исследования связи речевых способностей с межполушарной асимметрией начались с 1861 г. с работ П.Брока и К.Вернике. Их открытия положили начало клиническому изучению мозговой организации речевой способности человека. Был сделан вывод: тот факт, что зоны Брока и Вернике расположены в левом полушарии, и нарушения в правом полушарии, как правило, не влекут за собой речевых аномалий, означает, что левое полушарие является «доминантным», наиболее человеческим, а правое – это что-то вроде атавизма, наследия животного состояния человека². В ходе дальнейших исследований поведения пациентов, перенесших операцию резекции мозолистого тела, Роджером Сперри, Джозефом Боугеном и Майклом Газзанига в начале 60-х гг. прошлого века было установлено, что каждое из полушарий головного мозга по-разному обрабатывает информацию и имеет свою специализацию: левое аналитически обрабатывает информацию, репрезентированную в вербальной форме, визуальные образы воспринимает по частям; правое же, наоборот, использует холистическую стратегию обработки информации. Оно оказывается задействованным в большей степени при прослушивании музыки, при визуализации и решении задач, включающих в себя сравнение и постепенное изменение. Левое полушарие человека ответственно за речепродукцию и логическое мышление, а правое – за интонационное оформление речи, мимику, жестикуляцию, расстановку ударений и акцентов. Что касается речевого восприятия, то оказалось, что правое полушарие играет в нем очень важную роль. Если оно не действует, то любые, самые ничтожные помехи сбивают левое с толку, и оно не может воспринимать речь. Но даже если помех нет, человек с отключенным правым полушарием не способен уловить интонацию. Узнать мелодию в таком состоянии также не представляется возможным, не удастся спеть даже знакомую песню: правильно произведенные слова ложатся на искаженный до неузнаваемости мотив. Зато при угнетенном левом полушарии человек, не понимая обращенных к нему слов, оценивает мелодику речи гораздо тоньше, чем когда работали оба полушария, ему ничего не стоит повторить услышанную мелодию, но никак не удастся вспомнить слова песни, даже знакомой. Исследователи приходят к общему выводу: визуальные образы и интонационные изменения речи, в отличие от текстовой или словесной информации, поступаая в мозг,

обрабатываются правым полушарием. Например, в таком важном деле, как распознавание жестов рук и движений пальцев в азбуке глухонемых, правое полушарие также работает лучше, хотя эти знаки играют роль букв, слов и даже предложений³.

Рассмотрим теперь китайский язык и прежде всего письменность как пример языка, опирающегося на визуализацию. Из всех великих культур древнего мира китайская культура – единственная, которая дожила до наших дней, сохранив при этом и свою систему письма. На самой ранней стадии своего развития китайское письмо состояло из иероглифов, представлявших собой частично изображения, частично символы. До сих пор во многих письменных знаках, например, для изображения *человека* (人), *горы* (山), *колодца* (井) и в особенности для различных животных, скажем, *лошади* (馬), отчетливо прослеживается их первоначальный идеографический характер, а символические знаки употребляются как графическое выражение пространственных отношений. Примерами последнего служат: точка над или под линией, означающая «вверху» или «внизу» (совр. – 上 и 下), разделенный диаметром пополам круг для обозначения «середины» (совр. – 中) и т.п. Но вскоре запас простых знаков оказался недостаточным, и подобно тому, как в устной речи прибегали к помощи сочетаний слов, создали графические способы выражения для новых единиц значения путем объединения простых знаков в группы. В таких случаях смысл сложного знака обыкновенно вытекает из комбинации отдельных значений его составных частей: так, два *дерева* (木 mu) означают *лес* (林 lin), знаки *нет* (不 bu) и *прямой* (正 zheng), поставленные один на другой, означают *криво* (歪 wai), понятие *хорошо* (好 hao) передавалось при помощи сочетания знаков *женщина* (女 nü) и *ребенок* (子 zi), иероглиф *слушать* (闻 wen) представлял собой сочетание знаков *ухо* (耳 er) и *дверь* (门 men). Заметим, что в таких иероглифах чтение всего знака не зависит от чтения его составных частей. Структура же письменных знаков сравнительно нового происхождения, также составная, имеет несколько другой характер: одна часть сочетания, так называемая глава класса, определяет категорию понятия, к которой слово принадлежит по своему смыслу, а другая – так называемый фонетический элемент – показывает (конечно, лишь приблизительно) его произношение⁴. Примером знаков такого типа могут слу-

жить иероглифы 近 – jìn – *близко* и 远 – yuǎn – *далеко*, состоящие из графем 辶 – zǒu – *идти* (встречающихся в обоих иероглифах и обозначающих понятие расстояния, которое нужно преодолеть для достижения того или иного предмета) и 斤 – jīn – *топор* в первом и 元 – yuán – в современном написании название денежной единицы Китая *юань* во втором. Ни *топор*, ни *юань* не имеют отношения к понятиям расстояния. Эти графемы служат лишь фонетиками для иероглифов, в которые они включены, и указывают на чтение всего иероглифа. Бывает и так, что фонетиком служит не ключ, а целый иероглиф, употребляющийся сам по себе в другом контексте. Например, фонетиком для иероглифа «жениться» – 婚 *hūn* – служит иероглиф 昏 *hūn*, стоящий справа от ключа «женщина». Он имеет свое самостоятельное значение «сходить с ума/помутнение рассудка» и не только дает свое чтение иероглифу «жениться», но и наделяет его определенным значением «сойти с ума из-за женщины».

Устный язык в Китае также имеет свою особенность. Фонетический состав китайского языка сильно ограничен: в разных диалектах насчитывается от 420 до 900 звуковых комбинаций. Такого малого количества слогов сильно не хватает для того обилия предметов и явлений, которые нуждаются в звуковом обозначении. Разнообразие звуков достигается за счет тонирования – произнесения слога тем или иным тоном (их насчитывается от 4 до 9 в разных диалектах), который неразрывно связан со словом как таковым. Такая фонетическая система порождает множество омонимов в языке. Многие слова имеют не только одинаковое произношение, но и одинаковый тон. Зачастую совершенно разные понятия одинаково звучат и записываются одним и тем же иероглифом. Случаи одинакового чтения совершенно разных по значению иероглифов – также не редкость в китайском языке. Например, слог *lǐ*, произнесенный вторым, третьим или четвертым тоном, означает соответственно *груша*, *слива* или *плоды каштана*. Ясно, что иероглифы, обозначающие все эти три плода, различаются по написанию. Однако во фразе «*Я ем lǐ*» человеку, не привыкшему различать тонированные слова, затруднительно понять на слух, какой именно из трех названных плодов ест говорящий. Китайцу же не составляет труда различить правильный смысл сказанного.

Вспомним, что интонации и мелодика речи распознаются правым полушарием мозга. Исследования восприятия китайского языка, проведенные группой ученых китайского происхождения, работающих в Калифорнийском Университете в Ирвайне, показали, что человеческий мозг сначала обрабатывает в правом полушарии музыкальную составляющую, т.е. интонацию слов, и только после этого в левом полушарии происходит осмысление информации⁵. Ясно, что человек, с детства привыкающий к интонационному различению смыслов в речи, имеет более развитое правое полушарие, чем другие. Тем более, что это развитие подкрепляется иероглифическим способом письма, принципиально отличающимся от алфавитного. Это отличие кроется в самом принципе письменного выражения мысли. Каждый иероглиф китайского языка – это обозначение смысла какого-либо перцептивного образа с помощью одной картинки (ср. иероглиф «ритуал» – это изображение человека, преклоненного перед стоящим на алтаре жертвенным сосудом⁶). При чтении иероглифов понимание смыслов, которые они репрезентируют, происходит мгновенно и целостно. Слова же алфавитных языков раскрывают свой смысл только после прочтения всех букв, из которых они состоят, по порядку их написания. Можно смело говорить о том, что при чтении и написании китайского текста активно задействуется правополушарное пространственно-образное мышление с его холистической стратегией обработки информации: ведь иероглиф репрезентирует смысл только как целая картинка, его смысловое значение не всегда можно вывести из аналитически расчлененной совокупности черт или графем, из которых он состоит. Напротив, при чтении, скажем, русского текста работает левополушарное логико-вербальное мышление. Вербальная информация обрабатывается «пошагово», по мере ее поступления. Возможно, этим объясняется такой интересный факт, что иероглифы в зеркальном отражении воспринимаются почти так же легко, как реальные, а вот чтобы прочитать слово в зеркальном отражении, времени понадобится больше. Благодаря такой особенности языка китайцы читают свои книги гораздо быстрее, чем кто-либо другой: отсутствие связей между изображением понятия и его фонетическим выражением позволяет не проговаривать про себя каждое слово, что значительно ускоряет процесс чтения. «Китайский» способ чтения текстов используется в других странах при обучении скорочтению: люди тренируются вос-

принимать слова алфавитного языка (а позже и предложения) как целостные образы, не вглядываясь в отдельные буквы и не проговаривая слова про себя. Это достигается путем чтения книги с одновременным произнесением вслух числового ряда или алфавита, что «отвлекает» левое полушарие от чтения и заставляет подключаться к этому процессу правое полушарие. В подтверждение усиленной работы правого полушария у людей, пользующихся «визуальным» языком, можно привести следующие данные: «...когда у глухонемого человека страдает левое полушарие мозга, правое сохраняет образный язык жестов (каждый из которых передает особое значение как отдельное слово), а способность пользоваться пальцевой азбукой (в которой каждый знак соответствует букве письменного языка) и устным языком, которому обучен глухонемой, теряется. Из этого видно, что в правом полушарии смысл слов хранится в такой форме, которая не зависит от их звуковой оболочки. Этот вывод подтверждается и результатами исследований поражения левого полушария у японцев. Грамотные японцы пользуются одновременно иероглификой (понятийным словесным письмом, в котором каждый смысл передается особым иероглифом) и слоговой азбукой, записывающей звучание слов, но не репрезентирующей их смысл. При поражении левого полушария у японцев страдает слоговое письмо (хирагана и катакана), но не иероглифика»⁷.

Влияние таких явлений, как ярко выраженная интонационность, омонимичность и иероглифичность языка, на мышление носителей китайской культуры и на возникновение различных культурных явлений можно увидеть невооруженным глазом. Иероглифическая система письма настолько сильно укоренилась в сознании китайцев, что порой при устном общении они не понимают друг друга без иллюстративного пояснения своей речи. Часто можно слышать, как один из собеседников упоминает в разговоре, скажем, слово *shen* в первом тоне. Иероглифов с таким звучанием в китайском языке не менее десяти, и если из контекста не ясно, какой именно из иероглифов имеет в виду говорящий, слушатель может задать уточняющий вопрос: «Который из *shen*?» Первый в этом случае вынужден либо написать пальцем на своей ладони или в воздухе тот иероглиф, который он имеет в виду, либо дать этот иероглиф в привычном двуслоге, из которого слушатель может сам заключить о его написании.

В китайской культуре, как и во всех других, существуют загадки. Но они здесь обладают своей спецификой, поскольку рождаются именно благодаря омонимичности слов и многозначности письменных знаков. Большинство из них относится к загадкам на знание иероглифов. Приведу один пример: *liang ge mi bu shi lin* (Два [ключа⁸ с чтением] *mi*, но не [иероглиф] «лес»). Суть загадки заключается в том, что иероглиф «лес» (林 *lin*) состоит из двух одинаковых ключей «дерево» (木) с чтением *mi*, и, таким образом, фраза «два *mi*» рисует в сознании китайца именно этот иероглиф. А после уточнения «но не [иероглиф] *лес*» нужно вспомнить, что ключ «глаз» (目) также имеет чтение *mi*. Отгадкой, таким образом, становится иероглиф *xiang* (相), состоящий из двух ключей: «дерево» и «глаз», имеющих одинаковое чтение. Многозначность некоторых иероглифов позволяет использовать такие знаки в разных контекстах, никак не связанных между собой. Совмещение этих контекстов в один рождает загадки другого рода. Например, иероглиф *shou* или *shu* имеет несколько значений, среди которых *вариться, приготовиться* (о пище) и *хорошо знать/быть хорошо знакомым с кем/чем*. И вот загадка, основанная на этой его многозначности: «Встретились 2 куска мяса: один варился (*shou*) пять минут, другой варился семь минут. Встретившись, они не поздоровались и разошлись. Почему?» Ответ таков: они «*bu shou*». Это одновременно означает, что они [еще] *не сварились* (это вытекает из условия) и что они *не знакомы*.

Влияние языка распространяется не только на такие фольклорные явления, как загадки. Многие обычаи китайцев также родились из особенностей их языка. Так, в отдельных районах раньше существовал обычай накануне свадьбы в доме жениха выставлять приданое невесты: одежду, постельные принадлежности, образцы рукоделия невесты и непременно овощи, среди которых сельдерей, чеснок, лук. Созвучие слов «сельдерей» (*qing*) и «трудолюбивый, усердный» (*qing*), «чеснок» (*suan*) и «считать» (*suan*), «лук» (*cong*) и «умный» (*cong*) говорило семье жениха о том, что в дом придет умная, трудолюбивая и бережливая хозяйка. В средневековом Китае существовал особый обряд, именованный «встреча для купания ребенка». В присутствии всех родственников таз наполняли водой и опускали туда новорожденного. В воду бросали деньги и лук, желая ребенку богатства, ума и смывлености. В древнем Китае существовал обычай, по которому друзья, расставаясь, да-

рили друг другу на память по сорванной ветке ивы. Созвучие слов «ива» (*liu*) и «остаться, оставить» (*liu*) – намек на желание не расставаться, остаться вместе⁹. Другой пример традиций, связанных с языком, – обязательно иметь рыбу на новогоднем столе. Дело в том, что по-китайски слова «рыба» и «излишек» звучат одинаково: *yu*. Поэтому фраза «каждый год иметь рыбу» совпадает по звучанию с фразой «каждый год иметь излишек». Еще одна традиция, основанная на игре слов, – это вешать у входа в дом перевернутый иероглиф «счастье». Каждый человек, проходящий мимо, видит: [иероглиф] «счастье» перевернулся (“*fu*” *dao le*), а это созвучно с констатацией другого факта: счастье пришло (*fu dao le*).

У китайцев есть и «плохие» приметы, связанные с особенностями языка. Одна из них – не дарить часы. Дело здесь в той же самой омонимичности: слово «часы» *zhong* звучит так же, как слово «конец, финиш» – *zhong*. Таким образом, подарок намекает на скорую кончину человека, принимающего его. Данная обычай, однако, касается только часов настенных либо настольных. Карманные же и наручные часы (*biao*) не имеют «страшных» омонимов, поэтому дарятся и принимаются в качестве подарка без каких-либо суеверий. По похожей причине не принято дарить зонты, особенно супругам или возлюбленным: «зонт» *san* звучит так же, как «расставаться» *san* (или *fen-san*). На скорое расставание намекает и разрезанная груша: «резать грушу» буквально *fen li*, «расставаться» – также *fen-li*. Как ни странно, резать сливу или плод каштана, которые по-китайски обозначаются тем же слогом *li*, не представляет «опасности», поскольку только «груша» совпадает с «расставанием» и по произношению, и по тону слога.

Еще одним примером того, что суеверие в Китае рождается не из предназначения предмета, а от его фонетического или иероглифического обозначения, является тот факт, что гроб всегда считался в народе счастливым предметом. «Это объясняется фонетическим обликом слова «гроб» (*guan-cai*): оно омонимично в китайском языке двум словам – «чиновник» (*guan*) и «богатство» (*cai*). Следовательно, сам предмет через свое толкование с помощью омонимов стал символом продвижения по службе и богатства. Этим объясняется тот факт, что при встрече с похоронной процессией обычно произносили фразу: “Сегодня счастливый день, встреча с богатством”»¹⁰.

Из этих многочисленных примеров можно заключить, насколько сильно влияние языковых явлений на восприятие китайцами окружающего мира. Такое особое трепетное отношение к собственному языку могло возникнуть на основании преданий, окружающих его происхождение. Вспомним миф об изобретении письменности Фу-си. Он срисовал знаки со спины Великого Дракона – сакрального для китайцев мифического существа. Сам же Фу-си имел «тело дракона и голову человека»¹¹ и являлся сыном бога грома Лэй-шэня¹². Участие императора Хуан-ди в создании системы китайского письма также неслучайно: он являлся божеством хаоса и часто изображался в виде дракона, лунного божества, владеющего громом, водой и лунными циклами. Оба эти мифических персонажа представляют собой одно и то же начало: силы хаоса¹³. Непосредственная близость мира сакрального, мира мертвых, мира Чуждого заставляет китайца видеть в письменных знаках особые предзнаменования, добрые или недобрые знаки.

Такое отношение к письменности как к чему-то сакральному отразилось и на архитектуре, проявившись, в частности, при постройке императорского дворца Гугун в Пекине. Дворец имеет форму правильного прямоугольника, вытянутого с севера на юг. Площадь Дворца составляет 72 га¹⁴, однако на всей его территории (по крайней мере на той ее части, которая предназначена для проживания императора и членов его семьи) нельзя увидеть ни одного дерева: вся поверхность земли выложена брусчаткой. Это кажется странным для китайцев, склонных к созерцанию природы и растительности. Дело, вероятно, в том, что в китайском языке существует иероглиф, состоящий из графем «дерево» и квадратной «ограды», опоясывающей его (囿). Он означает «безвыходность», «осажденное положение». Прямоугольная форма Дворца напоминает ключ «ограда», и деревья, посаженные внутри этой «ограды», несли бы плохое предзнаменование императору Поднебесной, сыну Неба. Чтобы избежать воплощения в реальности данного иероглифа, создатели дворца предпочли не сажать на его территории деревья и заложить все камнем, чтобы деревья не выросли сами. А для отдыха и культурных развлечений императора в северной части Дворца был специально сооружен сад Юйхуаюань.

Со времени опиумных войн XIX столетия год от года множатся контакты культур Китая и Запада и обмен между ними. Этот культурный обмен привел, в частности, к движению за обновление языка и письменности в Китае. Кроме того, что разговорный *байхуа* пришел на смену письменному *вэньяню*, много работы было проделано по переписи, упрощению начертаний иероглифов, унификации и стандартизации их чтений, а также по разработке фонетического алфавита китайского языка. Все предпринятые меры способствовали распространению грамотности среди населения: детям, начинающим изучать китайскую письменность, и учащимся курсов ликвидации безграмотности упрощенные знаки нравятся, т.к. их легко распознавать и писать. Учителям это упрощение облегчает преподавание. Однако оно привело к увеличению сходства в начертании различных иероглифов, т.е. к еще большему увеличению числа иероглифов-омонимов (𠄎 *gan* «работать» / «сухой»). Кроме того, во многих упрощенных знаках фонетические элементы перестали точно передавать их звучание: например, фонетиком упрощенного иероглифа «лампа» (𠄎 *deng*) стал ключ «гвоздь» (𠄎 *dīng*), который подходит меньше, чем фонетик «подниматься» – *deng*, присутствующий в старом написании. К тому же в ходе реформы письменности первоначально упрощению подвергались только «современные», но не «древние» иероглифы, а в библиотеках по-прежнему остается огромное количество книг, напечатанных иероглифами в полном начертании¹⁵. Таким образом, при всех положительных эффектах, таких как распространение грамотности среди всех слоев населения, упрощение иероглифов опять же ведет к разрыву между людьми, способными читать древние тексты, и теми, кто ограничивается чтением газет и журналов, поскольку для усвоения иероглифов в старом написании, а тем более грамматики древнего языка – *вэньяня* – необходимо дополнительное образование и просто курсов ликвидации безграмотности недостаточно.

Что же касается перехода на алфавитное письмо, то на протяжении всей первой половины XX столетия делались попытки разработать алфавит для китайского языка. Из всех предложенных только «пиньинь цзыму» получил широкое распространение. Ежегодно его изучают десятки миллионов учащихся начальных школ и курсов ликвидации безграмотности, однако он

смог достичь лишь статуса транскрипции, но не официальной алфавитной письменности¹⁶. Для записи китайского языка алфавитом необходимо как минимум принять правила разграничения слов между собой, что труднодостижимо в культуре, где с древних времен не принято делать пробелы между знаками письма. Например, в предложении *Wo chi fan, ni chi mian* (Я ем рис, ты ешь хлеб) слова *chi fan* «ем рис» пишутся отдельно. Но в словосочетании *chifan wenti* «проблема еды» *chifan* следует писать слитно. Изменились значения слов, но остались неизменными глагольно-объектные отношения¹⁷. На какие факторы следует опираться при составлении синтаксических правил алфавитной записи китайских слов? Одним из следствий проведения в жизнь всех этих реформ китайского языка может стать размывание тех традиций и фольклорных явлений, которые возникли на иероглифической основе китайской письменности. Кроме того, есть еще одна проблема: очень важным свойством китайской письменности всегда было то, что, оторванная от устной речи, она была едва ли не главным фактором сохранения политического и культурного единства «китайского мира» при наличии большого числа местных диалектов. Письменные знаки старого Китая были понятны людям из разных мест, как сейчас людям из разных стран, говорящим на разных языках, не требуется перевод для дорожных знаков¹⁸. Будет ли понятно всем без исключения алфавитное письмо? И как избежать путаницы в переписке алфавитным способом при таком огромном числе омонимов?

Все же та система письма, которая просуществовала в Китае на протяжении нескольких тысячелетий как нечто сакральное и породила столько разнообразных культурных явлений, вряд ли может быть полностью отвергнута всего за несколько десятков лет. Она имеет мощное подкрепление в лице своих легендарных мифических создателей, в огромном корпусе иероглифических текстов и архитектурных сооружений, а также в сочинениях самого почитаемого здесь философа – Конфуция.

Примечания

- 1 *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000. С. 29–30.
- 2 *Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. М., 2001. С. 105–106.
- 3 *Демидов В.* Как мы видим то, что видим // Знание. М., 1987. <http://www.bronnikov.ru/literatura/vid1.3.php>.
- 4 *Грубе В.* Китайский язык и письмо // Все о Китае. М., 2001. С. 14.
- 5 Исследование восприятия китайского языка мандарин // Гранит науки: Программа о новостях науки и техники, – <http://www.echo.msk.ru/programs/granit/49019/>. 19.01.2007.
- 6 *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М., 2000. С. 379–380.
- 7 *Иванов Вяч.Всев.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М, 1978. С. 22–23.
- 8 Минимальная значимая единица, входящая в состав иероглифа.
- 9 *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского ученого. М., 2000. С. 61–62.
- 10 Там же. С. 62.
- 11 *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. М., 1965. С. 51.
- 12 Там же.
- 13 См. подробнее: *Трофимов В.Ю.* Мифы письма // Ритуальное пространство культуры (тезисы международного научного форума). СПб., 2001.
- 14 *Рычило Б.П., Солнцев М.В.* Пекин. М., 2000. С. 28.
- 15 *Чжоу Югуан.* Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М., 1989. С. 387.
- 16 Там же. С. 388.
- 17 Там же. С. 390.
- 18 *Захарченко И.* Уроки Китайского // AustralAsiA. 2001. № 15 (9-10). С. 34.